

**ХРОНИКИ
ПРЕСТУПНОГО МИРА.
ИСТОРИИ ИЗ МИРА
КРИМИНАЛИСТИКИ**

РАЗГОВОР ЗА ЧАС ДО КАЗНИ

В. КОРОЛЕНКО

РАССКАЗЫ О ПРЕСТУПНИКАХ,
СУДЕ И КАМЕРЕ СМЕРТНИКОВ

Москва 2022

УДК 821.161.1-4:34(47)
ББК 84(2Рос=Рус)1-44+67
К68

Короленко, Владимир Галактионович.

К68 Разговор за час до казни : рассказы о преступниках, суде и камере смертников / Владимир Короленко. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Хроники преступного мира. Истории из мира криминалистики).

ISBN 978-5-04-166922-5

Как был устроен быт в тюрьме, где содержались осужденные на смерть и пожизненно осужденные? Кого приговаривали к казни? Что чувствовал человек, которому вынесли этот страшный приговор? Обо всем этом, а также о случаях беспрецедентной жестокости в тюрьмах, несправедливых судебных процессах и абсурдности военного правосудия в России конца XIX века рассказывает автор этой книги.

Владимир Галактионович Короленко – русский классик, автор знаменитого романа «В дурном обществе», стал известен как журналист, безжалостно обличающий все язвы современного ему общества XIX века.

УДК 821.161.1-4:34(47)
ББК 84(2Рос=Рус)1-44+67

ISBN 978-5-04-166922-5

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

· ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ·

ОСУЖДЕННЫЕ НА СМЕРТЬ

Бытовое явление. Заметки публициста о смертной казни	10
Глава I. 12 мая 1906 года	10
Глава II. Смертники в N-ской тюрьме	18
Глава III. Будни смертников	21
Глава IV. Иллюзии и самоубийства	26
Глава V. Последние свидания	31
Глава VI. «Автобиография»	36
Глава VII. Экспроприаторы	44
Глава VIII. «Приговор утвержден»	53
Глава IX. Как это делается?	63
Заключение	74

· ЧАСТЬ ВТОРАЯ ·

ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Черты военного правосудия	80
Глава I. Вместо вступления. Дело Юсупова	82
Глава II. Дело Глускера	89
Глава III. Подсудимый Маньковский и судья Канабеев	108
Глава IV. Логика военного правосудия	118
Глава V. «Отрадные факты»	129
Глава VI. В Одесском военно-окружном суде	138
Глава VII. О том же	146
Глава VIII. «Обрадованные» русские люди	149
Глава IX. Что спасало невинных от казни?	156
Глава X. Под вопросом	161
Глава XI. «Необрадованные»	165
Глава XII. Виновные	176
Глава XIII. Заключение	181

Истязательская оргия*	188
Честь мундира и нравы военной среды	194
Два убийства	194
«Тень Сморгунера»	200
Продолжение дела ген. Ковалева и д-ра Забусова	207
Новая «ковалевщина» в Костроме	210
Еще о деле генерала Ковалева.	213
Трагедия Ковалева и взгляды военной среды	222
Кто виноват?	244

· ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ·

В СУДЕ

Мултанское жертвоприношение	268
Письмо в редакцию	269
Мултанское жертвоприношение	277
Приносятся ли вотьяками человеческие жертвы?	309
Толки печати о мултанском деле	316
«Они судили мултанцев...»	324
Сорочинская трагедия.	326
Предисловие	327
Глава I. Сорочинцы и Устивица	329
Глава II. Кривая Руда. Эпидемия насилий	336
Глава III. Открытое письмо статскому советнику Филонову	342
Глава IV. Чего я добивался своим открытым письмом	357
Глава V. Слабые проблески	363
Глава VI. Убийство Филонова и его обстановка	367
Глава VII. «Посмертное письмо ст. сов. Филонова писателю Короленко»	371
Глава VIII. Ответ клеветникам	379
Заключение	383
Дело Бейлиса	386
На Лукьяновке (во время дела Бейлиса)	387
Господа присяжные заседатели. Часть первая	401
Господа присяжные заседатели. Часть вторая	405
Присяжные ответили...	408

· ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ·

ОСУЖДЕННЫЕ НА СМЕРТЬ

В первые серия очерков, посвященных смертной казни, была опубликована в журнале «Русское богатство» за 1910 год. Спустя несколько месяцев очерки были опубликованы отдельным изданием.

В 1918 г. В. Короленко внес в статью дополнения и исправления. Документы и материалы о смертной казни, использованные в статье, Короленко собирал с 1899 г.

Прочитав первую половину статьи, Л. Н. Толстой писал автору цикла очерков:

- Короленко.
- 27 марта 10 года.
- Ясная Поляна.
-
- Владимир Галактионович,
- Сейчас прослушал вашу статью
- о смертной казни и всячески во время
- чтения старался, но не мог удержать не
- слезы, а рыдания. Не нахожу слов, чтобы
- выразить вам мою благодарность и лю-

• бовь за эту и по выражению, и по мысли, и главное, по чувству
• превосходную статью.

• Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы,
• романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья.

• Она должна произвести это действие — потому что вызывает такое чувство сострадания к тому, что переживали и переживают эти жертвы людского безумия, что невольно прощаешь им, какие бы ни были их дела, и никак не можешь, как ни хочется этого, простить виновников этих ужасов. Рядом с этим чувством вызывает ваша статья еще и недоумение перед самоуверенной слепотой людей, совершающих эти ужасные дела, перед бесцельностью их, так как ясно, что все эти глупо-жестокое дела производят, как вы прекрасно показываете это, обратное предполагаемой цели действие; кроме всех этих чувств, статья ваша не может не вызвать и еще другого чувства, которое я испытываю в высшей степени, — чувства жалости не к одним убитым, а еще и к тем обманутым, простым, развращаемым людям: сторожам, тюремщикам, палачам, солдатам, которые совершают эти ужасы, не понимая того, что делают.

• Радует одно то, что такая статья, как ваша, объединяет многих и многих живых неразвращенных людей одним общим всем идеалом добра и правды, который, что бы ни делали враги его, разгорается все ярче и ярче.

Лев Толстой

БЫТОВОЕ ЯВЛЕНИЕ.
ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА
О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Глава I

12 МАЯ 1906 ГОДА

Н и одно из заседаний всех трех Государственных дум не оставило во мне такого глубокого впечатления, как заседание 12 мая 1906 года.

Прошло полгода со дня знаменитого манифеста. Позади осталась ужасная война, Цусима, московское восстание, кровавый вихрь карательных экспедиций. Двадцать седьмого апреля открылась первая Государственная дума; она должна была отметить грань русской жизни, стать в качестве посредника между ее прошлым и будущим. В ответном адресе на тронную речь Дума почти единогласно высказалась против смертной казни.

Это было последовательно. Во всеподданнейшем докладе гр. Витте, приложенном к манифесту, признавалось открыто и ясно, что беспорядки, потрясавшие в это время Россию, «не могут быть объяснены ни ча-

стичными несовершенствами существующего строя, ни одной только организованной деятельностью крайних партий». «Корни этих волнений, — говорил глава обновляемого правительства, — лежат, несомненно, глубже». И именно в том, что «Россия пережила формы существующего строя» и «стремится к строю правовому на основе гражданской свободы». «Положение дела, — говорилось далее в той же записке, — требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ея намерений». На докладе, в котором были эти слова, государь император написал: «Принять к руководству всеподданнейший доклад ст. секретаря С.Ю. Витте».

Такова была компетентная оценка положения, среди которого созывалась первая Дума. Исторический строй, признанный свыше отсталым и не удовлетворяющим назревшим потребностям современной русской жизни, открыто брал на себя свою долю ответственности за волнения и смуту, охватившие Россию. Ни «организованные партии», ни общество не были повинны в политической отсталости России. Вина в этом падала на единственных хозяев и бесконтрольных распорядителей. Первая Дума сделала из этого вывод: оставьте же старые приемы борьбы, смягчите кары за общую вину всей русской жизни. Это и будет доказательство той искренности и прямоты намерений, о которых вы говорите.

.....

Казалось, историческая власть стоит в раздумье перед новой задачей. «С 27 апреля, — говорил в одной из своих речей депутат Кузьмин-Караваев, — ни один смертный приговор не получил утверждения. Напротив, постоянно приходилось читать, что приговор смягчен и наказание заменено другим...»¹ В течение двух недель виселица бездействовала, палачи на всем пространстве

¹ Стенография, отчет о заседании Госуд. думы 18 мая 1906 г.

России отдыхали от своей ужасной работы. Среди этого затишья историческая Россия встречалась с Россией будущей, и обе измеряли друг друга тревожными, пытливыми, ожидающими взглядами.

Двенадцатого мая получилось известие, что виселица опять принимается за работу. Раздумье кончилось.

В Думе происходило обсуждение кадетского законопроекта о неприкосновенности личности. У проекта были, конечно, свои недостатки. На него нападали с разных сторон: для одних он был почти утопичен, для других — слишком умерен. Теперь едва ли можно сомневаться, что, будь он действительно осуществлен хоть в значительной части, Россия вздохнула бы, точно после мучительного кошмара. Весь вопрос состоял в том, может ли Дума осуществить что бы то ни было или все ее пожелания останутся красивыми отвлеченностями. Призвана ли она для реальной работы, или ей суждено представить из себя законодательную фабрику на всем ходу, с вертящимися маховиками и валами, но только без приводных ремней к реальной жизни.

Случай для ответа на этот вопрос скоро представился, и притом в самой трагической форме. Обсуждение законопроекта о неприкосновенности личности было прервано спешным запросом трудящихся: известно ли главе министерства, что в Риге готовится сразу восемь смертных казней?

Еще 11 декабря 1905 года, в разгар преддумских беспорядков, восстаний, усмирений и карательных экспедиций, в Риге был убит пристав Поржизский. Как известно, в Остзейском крае вообще, в Риге в частности, кризис, вызванный переломом застоявшейся русской жизни, проявлялся особенно резко. С одной стороны, ужасающие газетные известия о пыточных застенках и приемах полицейских репрессий, с другой — убийства сыщиков и агентов

власти. Здесь более чем где бы то ни было нужно было внимательное отношение к двусторонним проявлениям общей вины и общей ответственности. Искренность, о которой говорил С. Ю. Витте, несомненно, требовала передачи дела общему суду при обоюдных гарантиях. Притом же этого требовал и формальный закон.

Убийство было совершено 11 декабря. Усиленная охрана заменена военным положением 24 декабря. Предание суду состоялось 15 апреля. Случилось так, что формально был промежуток, когда в Риге перестала действовать усиленная охрана, а военное положение еще не вошло в силу. Поэтому военный генерал-губернатор при изъятии дела из общей подсудности вынужден был мотивировать это «усиленной охраной», которая в то время уже не действовала. Это было незаконно: главный военный суд уже кассировал такой же приговор по делу Иогансона и Зегала, передав дело гражданскому суду.

Еще недавно министр юстиции на обращение депутатов по поводу казней забронировался формальной законностью: пока смертная казнь не отменена, она действует в законном порядке. Теперь такой же формальный закон защищал восемь жизней. Стоило только применить его, дело было бы рассмотрено общим судом и восемь рижских виселиц остались бы праздными.

Тем не менее явно незаконный военный суд состоялся и вынес восемь смертных приговоров.

Защитники подали кассационные жалобы, исход которых не мог возбуждать сомнения. Тогда генерал-губернатор собственной властью не дал хода кассации.

Общее значение этого эпизода было совершенно ясно. Раздумье кончалось. Исполнительная власть отстраняла общесудебные гарантии и даже на место гарантий военно-судных выдвигала личное усмотрение рижского администратора. Иначе сказать: администрация опять выступала судьей в собственном деле и на основании этого суда, глубоко чуждого самому духу новых учреждений, уже готовила казни.

На этой своеобразно «легальной» почве, около этих восьми жизней, закипела бескровная, но полная глубокого драматизма борьба новой Думы со старой исторической властью. Были пущены в ход заявления, ходатайства, просьбы.

Апеллировали к человеколюбию, к великодушию, к справедливости, к простой формальной законности. Защита подала жалобу в сенат на приостановку кассации и в то же время обратилась с ходатайством на высочайшее имя. Думе, в целом, оставалось только принять запрос. Шестьдесят шесть ее членов подписали отдельное личное ходатайство...

Двенадцатого мая я сидел в ложе журналистов и запомнил навсегда сумеречный час этого дня, предъявление запроса, речи депутатов, смущенные, полные предчувствий. Среди водворявшейся временами глубокой тишины как будто чуялось веяние смерти и невидимый полет решающей исторической минуты. Это была своего рода мертвая точка: вопрос состоял в том, в какую сторону двинется с нее русская политическая жизнь, куда переместится центр ее тяжести. Вперед, к началам гуманности и обновления, или назад, к старым приемам произвола, не считающегося даже со своими собственными законами...

К трибуне подошел В.Д. Кузьмин-Караваев. Речь его была простая, короткая, без громких слов. Раздалось несколько нерешительных рукоплесканий и тотчас смолкло. Председатель поставил на баллотировку предложение: препроводить запрос к председателю совета министров немедленно, без соблюдения обычных формаль-

ностей, с указанием на необходимость приостановки исполнения приговора до решения вопроса о кассации, до ответа на ходатайства..

— Кто возражает против предложения, — говорит председатель, — прошу встать.

Не поднялся никто.

В первой Думе тоже были принципиальные защитники смертной казни, и еще недавно высказался в этом смысле екатеринославский депутат Способный. Но еще не было откровенной кровожадности нынешних «правых», требующих виселиц даже для своих думских противников. Решение принято единогласно. Кто не хотел видеть в этом простой справедливости, те чувствовали все-таки святость милосердия и останавливались перед ужасом восьми казней..

И помню, что тотчас по объявлении этого постановления, когда Дума перешла опять к законопроекту «О неприкосновенности», зажгли электричество. Свет залил весь думский зал, председательскую трибуну, фигуру докладчика на кафедре, амфитеатр думских скамей с фигурами депутатов.. И у меня было такое ощущение, как будто тут, в зале, есть еще что-то невидимое, но жутко ощутительное, почти мистическое. Может быть, это была неуверенность в спасении восьми жизней, а за ней и во многом другом, что роковым образом сплелось с судьбой этих безвестных восьми людей в Риге.. «Дума сделала все, что могла. Но она не сделала ничего», — кажется, так следует истолковать это странное ощущение. Здесь могут только негодовать, надеяться, скорбеть и высказывать пожелания. А там могут вешать..

Прошло шесть дней. Восемнадцатого мая на трибуну взошел докладчик Набоков, чтобы сообщить ответ председателя совета министров на думский запрос. Ответ был краток и формален. Сущность его, впрочем, была уже известна из газет: рижский генерал-губернатор не пожелал ожидать исхода жалоб на приговор